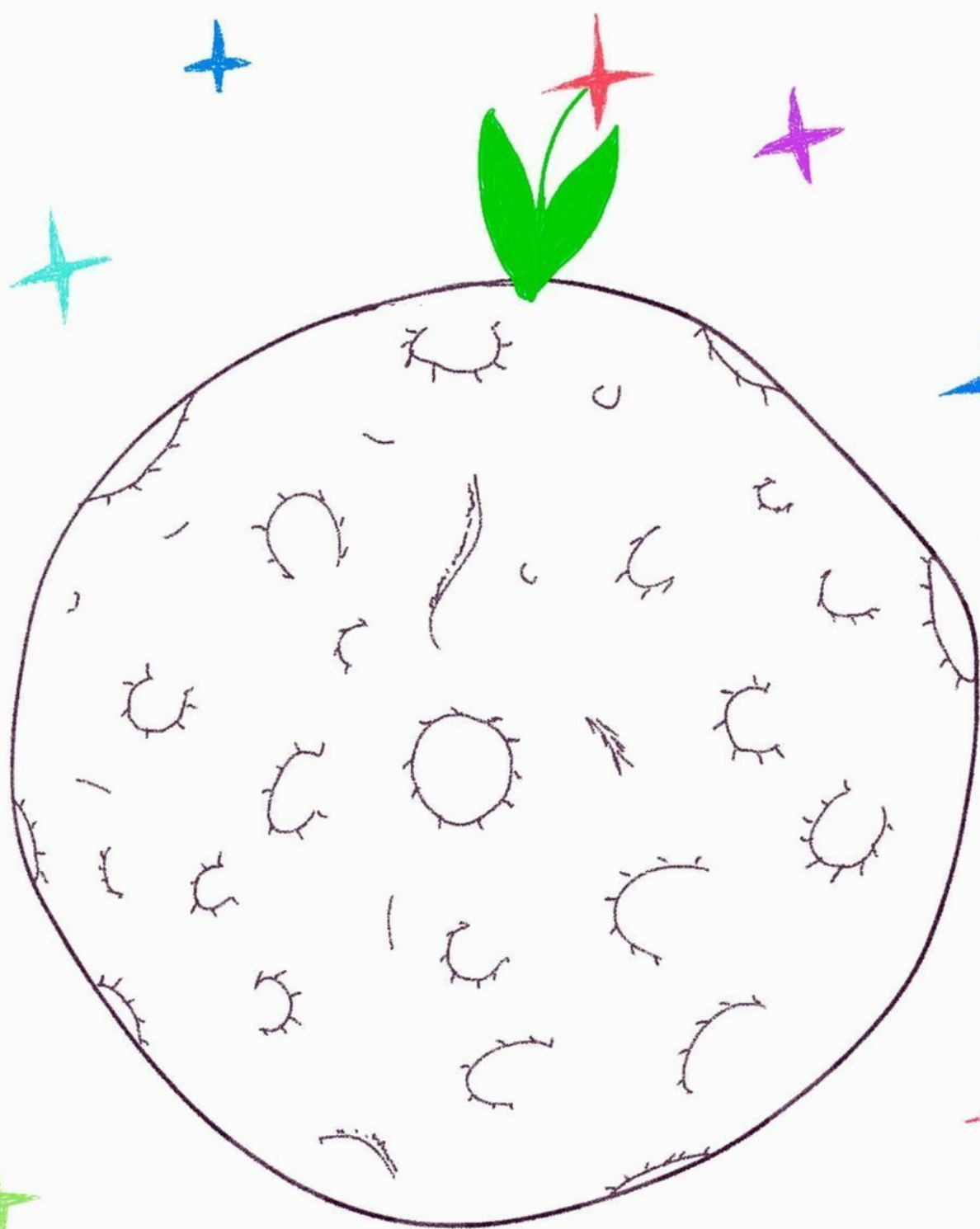

Лунный Ландыш

Павел Солов

Павел Сомов

Лунный Ландыш

«Издательские решения»

Сомов П.

Лунный Ландыш / П. Сомов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854805-5

Даже после последних строк сложно сказать, о чем же эта книга. В метафорическом смысле она повествует о том, как живет ландыш на Луне. И еще о всяких других вещах. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-854805-5

© Сомов П.
© Издательские решения

Лунный Ландыш

Павел Сомов

© Павел Сомов, 2019

ISBN 978-5-4485-4805-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

За окном плывет сентябрьское утро. Я сижу и разговариваю сам с собой – глядя в окно. Хотя в туалете и нет окна, я его фантазирую. Маленькое окошко на третьем этаже дома у моря. Странное расположение туалета – на третьем этаже, в мансарде. Окно вот здесь, справа, где рулон бумаги. К окну прикреплен листок надписью наружу: Привет тем, кто смотрит за мной через окно в бинокль, позвоните мне – и мой номер. Но море не умеет звонить, хотя биноклей и телефонов у него в достатке. Многие люди мечтают видеть в окне своего дома берег моря, но мало кто думает о том, кого бы хотело увидеть море в окне дома на берегу. Думаешь, ему все равно, кого свести с ума? Сейчас тихо, море убаюкивает взор, кружат две чайки – зигзагом, как линия отрыва. Линия отрыва. Линия, за которой уже не привязать, к которой уже не привязать. У многих людей есть такая линия. Может быть, на руке? У меня есть? Я осмотрел свою ладонь и не нашел ответа. Под бумагой, то есть под окном, освежитель воздуха – туалетная библия. Только пшш-пшш. Пусто. Закончилось.

Плывет сентябрьское утро.

– Плывет, значит?

– Да, плывет.

– То есть ты хочешь начать книгу всей своей жизни со слова плывет?

– А что такого в этом слове?

– Нет, ничего, продолжай, ты же пишешь.

Когда пишешь книгу, нужно перенести свое сознание внутрь героя и одновременно как бы вместить героя внутрь этого сознания. Это самое сложное – разместить в себе целый мир со всеми его людьми, их мыслями, чувствами; и себя – во всем мире, в каждом человеке, в каждой мысли. Когда я пытаюсь сделать это, то представляю себя таким или вот таким – и это не так просто, если ты стараешься сделать это хорошо, честно, до самого последнего нервного окончания, понимаешь?

Иногда – в одиночестве – я начинаю мысленно разговаривать сам с собой. Не только с собой – с другими людьми. С Руби, например. Или с Тэвери. Он сегодня приезжает, и я как раз собираюсь встретить его на вокзале. Чаще всего это человек, с которым я много разговариваю в жизни. Вообще говоря, со мной такое постоянно. Я спрашиваю у него советов и за него же их себе придумываю. В последнее время это Руби. «Не так уж много они разговаривали вслух», – Набоков, кажется. Ее призрак все еще ходит по комнате и пахнет. Этой ночью, как и всегда до этого, мы заснули под пульс поездов в артериях метро – как когда-то засыпали под пульс пупочной артерии в материнском нутре. Вот и сейчас слышен этот пульс – ушами чуть-чуть, босыми ступнями лучше.

Одиночество – это когда ты отдыхаешь от себя, когда у тебя нет характера, когда ты непонятно кто. Только во взаимодействии с другими людьми у тебя проявляется характер, ты что-то делаешь или чего-то не делаешь, начинаешь себя как-то вести и, собственно, узнаешь – кто ты. А в одиночестве ничего этого не нужно, в этом его прелесть. И в этом же его беда. Не бойся – ты один.

Да, это так, я постоянно с кем-то разговариваю внутри себя. Что мне нужно сейчас? Съесть бутерброд с форелью – после некоторых раздумий, я решил не экономить на обуви и на еде – есть мало, но не экономить, исходя из такого принципа, что лучше съесть пятьдесят грамм чего-нибудь дорогого, чем килограмм чего-нибудь дешевого. Поэтому мы с Руби худые, особенно Руби – совсем худенькая. В этом она за меня. Что еще нужно? Попить чай, обуть носки, одеться и идти. Сначала ехать на лифте, а потом уже идти. Вечером в лифте пахнет духами, утром мочой. Таковы наши лифты. И по вечерам в соседнем лифте часто звенят ключи. Да – и почистить зубы. Хотя не думаю, что в них много застрянет.

На улице тепло, теплый сентябрь, ходят толстые голуби. Не чайки. Чайки на другом конце города, в устье Миффи. Здесь я не видел ни разу. Тут чайкам не место. Улица желтая от листьев и от солнца. Русский в грязном свитере и лучах солнца роется в мусорном баке, покосился – неловко. До метро десять минут пешком – приходится обходить аккумуляторный завод вдоль толстой стены – по левую руку, по правую – многоэтажные дома. Под ногами ржавые заросшие рельсы – символ запустения. Сквозь щели расхлябанных ворот видны старые монолитные здания из бурого красного кирпича – в одном из них, вероятно, находится тайный ход в преисподнюю. Особенно сильна эта мысль, когда едешь на электричке по насыпи и наблюдаешь эту терракотовую армию сверху, и желто-серый дым из трубы котельной развеивается как флаг.

Вот уже полтора года мы снимаем эту квартиру в рабочем районе на окраине города. Тринадцатый этаж из шестнадцати, одна комната. Зимой, когда работает котельная завода, дым из трубы часто идет около нашего окна. Забавно видеть желтоватый дым – будто грязные облака – так близко и в таком постоянном движении. А иногда дым идет и в само окно, отчего оно покрывается сажей. К счастью, это бывает только несколько раз за зиму. В остальном это неплохая квартира – в черте города, и метро рядом – совсем рядом, можно было бы и подальше. Что скажешь?

Два дня через два этой дорогой я хожу на работу, я знаю каждую трещину в асфальте, каждое дерево вдоль дороги. Все собираюсь сосчитать шаги – не знаю, зачем, просто так – и никак не соберусь. Парень идет навстречу, работает где-то здесь, может быть, даже на заводе. Часто встречаю его в разных местах пути, почти всегда смотрю на него, он на меня нет. Узкие бедра – мужские. Но слишком узкие – нет пропорции.

На работу я люблю ходить не спеша, для этого достаточно выйти всего на десять минут раньше – и ты властелин мира. Ты можешь наслаждаться утренним воздухом, прохладой, упругостью шагов. Идя неспешно – чувствовать, как просыпается организм, светлые мысли наполняют голову. Но для этого нужно вставать на десять минут раньше, вот почему я обычно опаздываю на десять минут. На десять минут можно. А однажды я вышел на десять минут позже обычного, а приехал на пять минут раньше – феномен. Сама Вселенная сжалась надо мной, глядя, как тягостно я просыпался в то утро, и изменила плотность пространства-времени.

А вот и старик Джеймс идет, как всегда бубнит что-то себе под нос. В своем синем плаще, волосы растрепаны, подмышкой книга в газетной обложке – один из немногих, кто использует газеты по назначению. Джеймс священник, по утрам он всегда ходит в церковь, даже когда служба не его. Вот и сейчас идет – задумчиво ступая, носки в стороны, спина парусом, взгляд перед собой, руки сзади. Это единственный в своем роде человек – у него на носу растет борода, вернее щетина, вернее очень жесткие волосы – такие же как на старом, сморщенном, коричневом подбородке. А в ушах у него джунгли. Бог обезврежен, говорит Джеймс. Нам нечего бояться, это раньше люди боялись, когда Бог был жесток. Сейчас люди сделали Бога слишком добрым – и поэтому не боятся его.

А вот и Чарис. Странно видеть, я же видел его вчера и позавчера. Никогда не встречал его три дня подряд. Или встречал? Три дня подряд – джек-пот. А у него Джеймс-пот. Толковый парень. Но для толку, одного толку мало. Да и времена не те. Расцвет позади. Золотые пяти-

десятые – вершина. Правда, и тогда уже чувствовался запах гнилицы, даже задолго до этого, но мы отворачивались, как отворачиваешься от мусорного бака, проходя мимо в чистых ботиночках, в чистой рубашке, с мыслями о грядущем счастье. И вот теперь, как ни верти голову, от этого запаха не отделаться – гниль поразила нас самих.

– Доброе утро, Джеймс.

– Доброе утро, Чарис.

Едва заметный поклон – кивок головы, в котором предполагаются изящество и достоинство. Небольшое несоответствие растрепанного вида и аристократичности манер – сродни вежливости провинциальных алкоголиков. Хотя Джеймс, пожалуй, не принадлежит ни к алкоголикам, ни к провинциалам.

– Как поживаешь, мой друг?

– С божьей помощью. Как ты?

– Да что мне сделается? Как вчера, так и сегодня. Живу, метаболирую. Хотя зачем мне жить, ума не приложу. Обычные старики живут для детей или для внуков – у меня никого нет. Отправили бы всех одиноких стариков добывать уран – сколько пользы было бы. Почему этим занимаются молодые?! А так скоро и нас стариков совсем не будет – не будут доживать.

– Закат человечества – грядет.

– Старики-то еще ладно, и не нужны. Детей не будет! Да что говорить... Детей-то нам еще, может быть, русские нарожают – вон их сколько, одни русские. Понаехали: работать не хотят, промышляют наркотиками, воровством – грязные. Сплошная грубость. И глаза у всех хитрые, ледяные.

Или не у всех? Какие они разные. Ирландца сразу видно, а этих поди разбери. Приоденутся – и не отличишь. Чарис немного похож на русского, хоть и помесь от мексиканца с ирландкой. Как играет солнце на кресте! В такие минуты особенно веришь, и гордишься, и возвышаешься. И грешишь. Всегда грешишь, уж лучше и не думать об этом. Штукатурка на северной стене отваливается, фундамент мхом покрылся, ступени истоптаны – печати времени. И я еще с моим лицом – гербовая, с размаху.

Холодная, каменная, острая церковь вырастает из земли – как волчий клык в наростах зубного камня, солнце смягчает – тепляет ее острые черты. Церкви с колокольнями похожи на механические будильники – каждое утро они звонят, но Бог спит очень крепко и очень давно – с воскресенья. Никому не хочется вставать на работу. На паперти у входа стоит Пермоллой, смотрит на нас – как мы идем. Лунный ландшафт его лица и быстрые глазки говорят о не самых крепких нервах. Левая часть его тела меньше, чем правая, и как будто старше, чем правая. Вот такие сейчас рождаются люди. Заметнее всего на лице, остальное только если приглядишься. Лицо перекошено – правая половина как будто пытается поглотить левую. Левая нога короче – немного припадает на нее при ходьбе. Рука меньше и тоньше. Позвоночник чуть скривлен на левую сторону – от этого сердцу тяжелее биться, но оно бьется – самоотверженно. Милостыню он просит левой – жалостливой рукой. Мосластая, тощая, глянцевиная – будто лапа ящерицы, нездоровая. Брезгливо. Здравомоемся правыми – правая влажная. Первая фраза

Пермоллоя всегда ясна, обдумана, полна воздуха и энергии, но после первых слов он начинает задыхаться, захлебываться, спешит сказать, глотает слова и смотрит с надеждой, что вы его поняли. Как же он всегда пялится на Руби! Обволакивает паутиной взора – паук-вуайерист. Пора уже переезжать отсюда поближе к работе – или подальше от нее – денег вроде бы накопили.

Что он так уставился на меня – будто читает мысли. Точно, пора уезжать отсюда. На сороковую параллель. Или хотя бы на сорок пятую. Идея с кинотеатром, конечно, трудно воображаемая и выполнимая. Но как было бы хорошо, открыть кинотеатр, где будут показывать хорошие фильмы. Старые, новые, даже черно-белые и немые, но только хорошие. И чтобы еще люди ходили.

Облаченные в медовую глазурь безоблачного солнца они подходили к церкви. Чарис смотрел далеко. В даль улицы. За горизонт. Словно хотел улететь туда. Вслед за взглядом. Деревья росли вверх. Красно-желтыми фейерверками приветствуя их. Ничего нового у меня не было. И жизнь моя продолжалась по-прежнему. Влажно-бронзовое и шершаво-песчаное соприкосновение эпидермисов. Со всеми и всегда здороваюсь руками. С девушками гораздо приятнее. Но приходится со всеми. Потому что одни только девушки со мной здороваться не будут. Когда я здороваюсь за руку. То выгляжу как идиот. Но все и так думают. Что я идиот. Так что это не страшно. Но я не идиот. Идиот – это тот. Кто совсем ничего не соображает. А я соображаю. Чарис красивый. Не хочется на него смотреть.

Синие голуби опасливо косились и подходили к нам в нерешительном – нервическом ожидании. Синие глаза Джеймса искали пустое место вокруг Пермоллоя. Места было мало. Вокруг неполноценных людей всегда мало места для взгляда. Синие глаза старика. Старик и море и голуби. Они спрашивали, работаю ли я по-прежнему техником. Я отвечал, что работаю.

– В церкви нужно сделать электричество на второй этаж, там, где стоит орган. Мы хотим сделать на органе подсветку в виде креста, но размытую, будто через витраж, хотя витража никакого перед органом нет. Оптическая иллюзия, думаю, должно хорошо получиться. Можешь помочь нам с этим?

– Попробую. Нужно посмотреть что к чему вообще.

– Когда-то я тоже работал по технической части.

Эх. А потом дочь умерла. Ушел в священники. Сноровка сейчас не та уже. Помню себя в университетские годы – Фигаро. Да, выбор специальности, университета – важнейший вопрос, в котором родители должны проявить дальновзоркость. Или Дальновидность? Одним словом, в этом вопросе родители должны себя проявить. Дети еще ничего не смыслят в это время. Какой из меня техник? Церковные голуби, сизые, всегда здесь. Иногда мне кажется, что в них и есть Бог. А еще в сводах и в тишине. Тишина отражается в сводах, и получается эхо тишины. Поэтому так тихо.

В церкви всегда движешься так, словно находишься в воде – плавно. Чтобы не задеть чью-нибудь душу. И думаешь так же. И для того же. Мы поднялись на второй этаж по узкой винтовой лестнице. Я осмотрел поле деятельности, обсудили, какие лучше светодиоды, как расположить. Умозрительно идея была хороша. Разноцветный отсвет на органе в форме креста, словно свет прошел через витраж, рассеялся и оставил след.

Хорошо – разбираться в электричестве. Хорошо – хоть в чем-нибудь разбираться. Я разбираюсь в прихожанах. Всех прихожан можно разделить на три типа. Когда я вижу человека. Входящего в церковь. Я сразу могу определить. Этот человек относится к первому типу. А вон тот – ко второму. А вот этот – к третьему. Это внутри меня. Я просто чувствую – к какому типу прихожан относится человек. И мои чувства еще ни разу меня не подводили.

Отдав должное старику Джеймсу и его идее, я продолжал идти. Школьная спортивная площадка через дорогу от церкви, сюда я хожу заниматься. Облезлая краска. Гнутые зимними льдинами жестяные отлива на крыше. Сладкое мурлыканье растянутых мышц. Открытые окна в теплую погоду. Возможный чей-то любопытный взгляд из окна. Планирующий с балкона голубь. Заходящее в дымке за дальним домом солнце. Характерные, по-детски театральные дети. Прыгающий – бум, бум-бум – мяч. Прохожая девушка на каблуках. Растерянный муравей на перекладине. Влюбленные, украдкой, взгляды маленьких девочек. И берущие пример – на будущее – взгляды мальчиков, еще не различающих соперника. И колокольный звон в конце, когда уже нет сил, когда идешь и дышишь, ощущая легкими воздух. Магический звук – подгадываю время специально. Люди с чувствительной кожей ощущают ветер особенно. Когда не совсем выспался, ветер бодрит. Возбуждает нервные окончания.

Маленькие, провинциального вида парикмахерские – есть в них что-то милое и в то же время отталкивающее – гнетущее. Именно в зале ожидания провинциальной парикмахерской в полной мере можно ощутить всю ничтожность человеческой жизни. И это совсем не то повышенное чувство, которое испытываешь, глядя на накатывающий во время шторма прибой или на звезды ночного тропического неба.

Выходит человек, поводит шеей – колется. Сиротливо оглядывается, не хватает чего-то. Идет. Помню, как мама водила меня в парикмахерскую, а я начинал реветь еще до того, как меня начинали стричь. В детстве я хотел стать человеком, которого знают все. Потом просто человеком. Потом детство кончилось. Хотя, пожалуй, детство кончилось где-то между двумя этими состояниями.

Совсем скоро начнется бессолнечная, близорукая осень. Я всегда думаю, что это случилась ядерная война. Небо заволокло – навсегда – для меня. И все будет так, исхода нет. Люди бредут и знают, что обречены. Собственно, так и есть – но не все так плохо. В левом кармане дыра, за подкладкой дешевые конфеты. Есть нечто притягивающее в самых простых карамельках.

Мы шли куда-то. Я шел позади. А может быть и впереди. Сложно определить. Потому что я не знал. Куда же мы шли. Если бы знал. То определить было бы легче. Я не старался держаться в отдалении или оставаться за деревьями или углами. Некоторые деревья уже облезли. Другие только собирались. Углы облезли все. У старых заводов всегда облезлые углы. Если что то я шел к доктору. Чтобы он выписал мне таблеток. Поэтому я чувствовал себя спокойно. Если Чарис вдруг обернется и спросит меня. Куда я иду? То я сразу скажу ему. Что иду к доктору Марти за таблетками. Я скажу это сразу. Но не очень быстро. Потому что я не волнуюсь об этом.

Чарис немного спешит. Становится жарко идти за ним. На нем бетонная футболка с капюшоном. Мягкие штаны цвета черной дыры и белые красные кроссовки. А у меня левый ботинок на один размер меньше. Приходится покупать две пары. Если бы у меня был зеркальный брат. То он мог бы носить вторую половину моей обуви. И мы могли бы выступать в шоу оптических иллюзий.

Влажный воздух. Воздушная влажность. Какая влажная воздушность! Восклицал кто-то восклицательный. Лево́й стороной я не чувствую ветер. Только правой. Так же как восклицательный знак не чувствует свою точку. Ветки больных деревьев похожи на старушечьи палыцы.

Солнце освещает их. И они становятся моложе. От солнца все становятся моложе. Поэтому на юге все молодые. А на севере все старые. Всегда стараюсь стоять к солнцу левой стороной. Решкой.

А вот и Витек. Стоит около входа в метро. Важно объясняется со своим коллегой. В замызганной, давно не мытой курточке. В руке бычок, глаза припухшие, зубы желтые. Щерится – увидел.

– Здорово, Чарис. Как сам?

– Нормально.

– Самглавное.

Этот разговор повторяется из раза в раз с такой скоростью, что я еще не успеваю произнести нормально, как он уже сообщает мне, что это самое главное. Я знаю, что он спросит. Он знает, что я отвечу. И чем дольше это продолжается, тем больше весь этот разговор походит на одно длинное слово, которое мы вместе произносим. Он свою часть, а я свою. Каксамнормальносамглавное. Не так давно мы сократили это слово, и теперь оно выглядит примерно так – каксамнормалсамглавн. Все происходит настолько стремительно, что ответь я на его вопрос плохо, уверен, он по инерции скажет, что это самое главное. Иногда он еще говорит, что мы ходили с ним в один детский садик, и спрашивает, помню ли я. Я честно пытаюсь. Иногда у меня получается – тогда Витек гордится и щерится изъеденными зубами в воспаленных деснах.

Мы подошли ко входу в метро. Вероятно мы шли сюда с самого начала. Не люблю метро. Все смотрят. Но никто не подает. Люблю церковь. Никто не смотрит. И все подают. Пахнет крысиной норой. Много девушек. Но я никого не знаю и ни с кем не могу поздороваться за руку.

Как удобно протирать эскалатор! Стоишь и держишь тряпку. Он сам под ней едет и протирается. А можно даже и не держать. Пусть сама лежит. Как было бы хорошо. Если бы все само вот так делалось. Не ходишь к церкви и не стоишь весь день. А люди сами приходят к тебе и подают. И Руби тоже сама приходит и здоровается с тобой за руку. Долго. Бесконечно. И смотришь на нее. И чувствуешь ее пальцы. Цветковые. Лепестковые. Долго. Бесконечно.

Место, где переплетаются воображение снов и воображение книг. Магический эскалатор. Людей еще не так много – час пик начнется через полчаса. Междугородние поезда всегда приходят так рано. Грязная плитка, и к ней грязной головой прислонился нищий – как на расстрел. Глаза закрыты – спит стоя. Сейчас ноги подогнутся и упадет. Часы над платформой показывают время. Время показывает себя в часах над платформой. В складчатом лице старой женщины. В треснувшем белом квадратике под ногой. В лязгающем дребезжании под ребром справа. В рытвине на носу в зеркале. В стройных идущих ногах – раннее теплое сентябрьское утро. Тик-так, тик-так.

Раньше в метро я глазел на девушек. Сейчас тоже глазею. Мне нравится смотреть на девушек. Особенно на движения ног и рук при ходьбе. Сколько вариаций! Стервозная походка: короткие шаги вбиваются в землю, носки расставлены, руки в такт отлетают назад. Двигается с чрезвычайной энергией, но скорость перемещения невелика. Серьезные девушки ходят серьезно, как ферзь в шахматах. С лицом задумчивым и сосредоточенным, шаги машинальны, в руках обычно что-нибудь есть. Усталая: девушка будто вся обвисла и просто подставляет ноги под беспрерывно падающее тело. Лошадиная – достаточно редкая, с выносом вперед коленей. Выглядит забавно и сексуально. Плывающая походка, когда движения настолько плавны, что корпус совсем не двигается вверх и вниз, а только плывет в направлении взгляда. Миражи подстерегают вас рядом с такой девушкой. А вот идет девушка чуть вприпрыжку, беззаботная, ни до чего нет дела.

И Пермоллой здесь. Походка у него особого рода, но он и не девушка, чтобы на него смотреть. Увидел. Думает, подходить или нет, пошел. Какая бледная кожа, совсем бесцветная, бескровная. Наверняка на ощупь обычная кожа: мягкая, податливая, а на вид – мрамор. Можно голову расшибить, если удариться. Кожа – это молодость. Ну у мужчин еще волосы. У женщин – руки.

– Куда едешь?

– Я еду к доктору Марти. За таблетками. А ты куда?

– На вокзал – встретить Тэвери. Это брат Руби. Он приезжает сегодня, хочет посмотреть город.

Я кивнул в знак того что понял.

Как дела – я уже спрашивал. Что еще спросить? Рассказать что-нибудь? Как лечение. Спрошу про лечение. Правда же, заботливый выйдет вопрос?

– Лечение доктора Марти помогает тебе?

– Я не знаю. Доктор Марти говорит. Что мы на правильном пути.

– Это хорошо. Мне кажется, доктор Марти хороший специалист.

Откуда я знаю, какой он специалист? Я его видел всего один раз. Тогда, в церкви, приходил по приглашению Пермоллоя – Джеймс показал нам. Что я несу вообще? Выдавливая из себя какую-то чушь. По-моему, Пермоллой чувствует это. Он достаточно чувствительный, в этом ему не откажешь. Что он думает только – совершенная загадка.

Почему люди всегда пытаются со мной разговаривать? Я совсем не из тех. С кем обязательно нужно разговаривать. Особенно когда разговаривать не о чем. Можно просто молчать. Все думают что я очень молчаливый. Но это не так. Просто мало с кем хочется разговаривать. Мне хочется разговаривать только с Джеймсом и Руби. Не знал что у Руби есть брат. Мы всегда так мало с ней разговариваем. Только привет и пока. Когда она ходит в церковь. Но я ей нравлюсь. Я чувствую это. Когда держу ее за руку. Она не спешит. Когда со мной здороваются. Все стараются отнять руку быстрее. А она нет. И ее руки не потные. Всегда такие гладкие. Как живые шелковые перчатки.

Виден свет. Сейчас выбритый поезд появится из плоти земли. И потом снова войдет в нее. Со вздохом. И снова выйдет. И снова войдет. Перед нами была всего одна станция. Много свободных мест. Твердые сиденья. От которых отекают ноги. Не хочу садиться. Следующая станция хркшсчупш.

И вагоне летит во тьме. Так и будет стоять? Станный человек. Да уж. Наблюдательность – моя сильная сторона. На чья ты сторона? На сильная сторона. Что-то с утра голова совсем не работает.

Каждый раз, когда я сажусь не на тот поезд метро, я чувствую себя разведчиком или тайным агентом, запутывающим след. Такое бывает нечасто, но случается. В общем-то, думаю, хорошему разведчику нечасто приходится запутывать след. Еще иногда, в момент когда поезд

останавливается и двери открываются, меня торопливо спрашивают – какая сейчас станция, и я никогда не знаю – какая.

В метро часто можно встретить итальянцев. Круги под глазами. Нос как умывальник. Губы как лазанья. Вон сидит. А рядом с ним его дочь. Кажется. Она совсем не итальянка. Наверное в маму. Фигурка как контурная карта. Щечки сияют гемоглобином. Лицо светлое. Безбровое. Хоть бы нарисовала. Маленькая еще рисовать. Отведать бы ее руки. Станет она со мной здороваться за руку? Конечно не станет. Папа не разрешит.

Что, интересно, чувствует отец, на дочь которого глядят влажным, лапающим взглядом? Облизывают взглядом. А она сидит нога на ногу и поводит плечами от надоевшего ремня сумки. Совсем не накрашенная, свежая – росинка. У вас хорошая дочь, если вы будете ее хорошо воспитывать... даже если вы не будете ее хорошо воспитывать, она все равно будет хорошей, потому что вы уже неплохо потрудились. Мне так кажется. Ну сколько можно, Пермоллой?

Смотрит по сторонам. Крутит головой. То на меня. То на нее. Отчего ты такой сонный и усталый? Чарис? От Руби? Тебе нужно отдохнуть. Совсем повесил голову. Какой профиль у тебя. Линия подбородка. Скулы. Прямой нос. Пряди волос залазят на уши. С таким профилем ты всегда будешь выглядеть молодым. Если не облысеешь. Но мне кажется. Ты облысеешь. Люди пытаются определять характер по форме головы. По выражению глаз. По походке. Но мало что так выражает характер так. Как запах после человека в туалете. Если это едкий. Буравящий. Выворачивающий всё нутро запах. То это была женщина. Если этот запах совершенно нестерпим. Так что дышать нет возможности. Это была стерва. Мужские запахи спокойнее и мягче. Вообще. Чем шире кругозор у запаха. Тем интереснее и развитее человек. Однажды я зашел в туалет вслед за очень красивым и модным парнем. Запах после него был остр. Как самурайский клинок. Подозреваю что этот парень был гомосексуалистом.

Что глядишь на меня? Думаешь. Почему у меня нет друзей? Потому что я не люблю друзей. Я не хочу отягощать себя дружбой. Я настолько дружу со своими друзьями. Что никогда ни о чем их не прошу. Они же со мной дружат меньше. И от этого одни хлопоты. Я дружу только с отцом Джеймсом. Потому что он дружит со мной так же. Как и я с ним. Мы никогда ни о чем не просим друг друга. Как настоящие друзья.

Остановка. Сейчас войдут люди – разношерстные. Светлые, темные, рыжие, лысые. Не так давно мне показалось, что у меня начинают появляться залысины на лбу. Если начинают мерещиться подобные вещи, значит так всё и есть. Вообще, я опасаясь что у меня не просто появились залысины, а я начал лысеть. Ощущаю свою шевелюру наверное также, как ее ощущает одуванчик. Теперь я обращаю внимание на волосы мужчин. Сколько, оказывается, существует видов облысения. Могут появиться залысины на лбу с двух сторон, и на этом все останавливается. Я надеюсь на такой исход. Не то чтобы я боюсь облысеть. Но с волосами как-то повеселее. А бывает, что залысины появляются и начинают распространяться вглубь – дальше и дальше оголяя лоб, так что уже передняя половина головы совсем без волос. Бывает маленькая плешка на макушке. Если человек высокий, ее даже и не видно. Самое обидное, наверно, когда волосы исчезают совсем. Остается только пушок вокруг головы – затылок и над ушами. В достаточно заполненном вагоне метро можно отыскать все эти виды.

А вот на женские волосы я смотрел и до того, как мне что-то там показалось. Пожалуй, после пышности в женских волосах главное отлив – мягкий и матовый – естественный. Как конская грива. Символ здоровья. У окрашенных волос отлив глянцевый – ядовитый, автомобильный, металлический. Как знак опасности. Прочие опасности – восклицательный знак!

Девушка, а у нее лицо с низким коэффициентом аэродинамического сопротивления. Похожа на птичку. Стрижка «рыцарский шлем». Осматривается, ищет место, но уже все расселись и заняли. Восклицательные глаза и светлые волосы – спускаются ниже плеч. А у корней темные. Отвернулась. Надо было уступить. Но вот – сейчас уступлю женщине. Прямо передо мной женщина в плаще с клетчатым, замысловатым, переливающимся рисунком. Руки ее засунуты в карманы, и кажется, что рук нет – есть только туловище. И вдруг, как амеба, она создала руку из туловища и ухватила за поручень.

– Садитесь, пожалуйста.

– Спасибо.

Пермоллой посторонился, позволил мне встать, а женщине сесть. Теперь мы стояли с ним рядом. Он по обыкновению немного заваливался налево, в сторону от меня. И мне вдруг показалось, что от меня плохо пахнет. Но пахло от него. Вот бы взять и помыть всех людей в мире. Просто помыть, с простым мылом, но всех, всех-всех. Как бы хорошо было выйти на улицу в такой день!

Рядом с женщиной-амебой сидит мужчина с большой грудной клеткой – футболист или пловец. По другую руку от него очень толстый человек. Бородатый, не очень опрятный. Я смотрел на него и никак не мог перестать представлять, как он ест – потребляет, поглощает, на глазах увеличивая свою толщину.

Снова остановка. Новые лица – парень не в себе. Глаза бегают, вертится, не может стоять на месте. Вдруг чуть не крича: «Вот станция, выходите. Что вы сидите, куда вы едете?! Вот хорошая станция – выходите! Все выходите. Можно же выходить, что вы сидите? – в лицо женщине. – Двери открыты – идите! Можно идти!» Женщина испугано глядит, мигает. Мужчина рядом поднялся. Парень быстро занял его место и умолк, понурился. Кажется, даже уснул, сам утомленный своим выступлением.

А вот парень в рубашке. Только что вошел. Красный прыщик на левой щеке. Рубашка. Воротничок подчеркивает подбородок. Рубашка разрешает все. Если бы я носил рубашку. То мне можно было бы быть идиотом. А без рубашки нельзя. Без воротничка нельзя. Рядом девушка с фигурой зубочистки. В очках и в телефоне. В очках отражается квадратик телефона. Красивые руки. У зубочисток красивые руки. Справа от нее схема метро. Линии метро. Голубая для гомосексов. Красная для коммунистов. Серая для алкоголиков и наркоманов. Оранжевая для цветных приезжих.

Кажется я потупел. Или это стекло изогнуто? Не прислоняться. Я точно потупел, на счет стекла не знаю. Волосы на ушах – пора стричься. В маленьком городе ты выходишь на пустую улицу и чувствуешь, как на тебя все равно все смотрят. В большом городе ты стоишь в переполненном вагоне метро, смотришь по сторонам, и кажется, что тебя совсем нет.

Кто-то движется из дальнего вагона в нашу сторону. Мужчина. Ему бы тоже подстричься. Карандаш-пятновыводитель. Карандаш-пятновыводитель с легкостью удалит любые пятна. Лейтмотив метро. Карандаш-пятновыводитель. Говорят, пока не появились русские, никто не ходил и ничего не продавал.

Подъезжаем к станции. Здесь всегда выходит много народу. Парень в рубашке собирается выходить. Взять его за руку, сказать: нам будет не хватать тебя. Улыбнется?

Если рубашку хорошо сложить, то можно ее не гладить – непосвященный человек этого не увидит. Распознать вас сможет только тот, кто сам этим пользуется. Во всяком случае, мятая рубашка должна привлекать искушенных и одиноких самок, я так думаю. У них глаз на мятые рубашки.

Вошли три женщины. Сели. Неискушенные самки. Переговариваются о насущном: одежде, еде, кремах, целлюлите, – точно как курицы на нашесте. Да, они не очень красивы,

не очень умны, не молоды и даже по большому счету не женственны, но что не говори, а есть в таких женщинах что-то милое. Примерно то же самое, что и в курицах на нашесте.

– Мой мне говорит, куда намылилась?

– А я говорю, по делам. Хвостом махнула и пошла.

Заливаются.

Шутить – не женское занятие.

Смеяться – вот это для женщины.

Слепой пробирается, побирается – тянет руку. Втыкается во всех. Врезался в девушку с одутловатой попой. Извиняется. Сейчас много таких рождается – незрячих. Сколько информации в голове у слепого – весь маршрут, полный запахов, углов, расстояний, поворотов. А если голова не работает? Как бы ты поступила?

На нашесте завели про стоматолога. Один знакомый, хорошо пломбирует. Советует. Пермоллой вдруг хрипло, сквозь препоны и тернии воли засмеялся, поглядывая на женщин и отворачиваясь. Вид у него был глуповатый.

Стоматолог-проктолог. Новое веяние медицины. Получает доступ к зубам через задний проход. Очень удобно. Не нужно открывать рот. Мой хороший знакомый. Хорошо пломбирует. Советую.

Женщина-амеба встала – собирается выходить на следующей. Пермоллой решил присесть.

На земле я могу стоять очень долго. Не уставая. А в поезде левая нога устает. Потому что поезд едет. Потом останавливается. Потом снова едет.

Чтобы разговаривать с человеком на равных. Мне всегда нужно было иметь возможность убить его. Ну или хотя бы какой-то шанс сделать это. Поэтому я всегда держу при себе нож. В кармане.

Мне никто никогда не говорил. Я люблю тебя. Пермоллой. Ведь это же так просто сказать. Я люблю тебя. Пермоллой. Но никто до сих пор не сказал. А тебе говорили? Руби говорила тебе? Закрыв глаза. Дремлет стоя. Покачивается.

Я начал засыпать – вставать рано не для меня. В голове распространялась блаженная пустота. Вдруг мне показалось – приснилось, привиделось – как к моей шее тянутся две разных руки. Одна обычная – человеческая. А другая тонкая, костлявая – лягушачья – левая рука Пермоллоя. И вот они все ближе, охватывают шею, сжимают крепче. И я не могу пошевелиться. Воздуха все меньше – и не вдохнуть. Не расправить грудь. Собираясь его оттолкнуть, уже подняв руки, я открыл глаза – и наконец-то вдохнул. Воздуха – полную грудь.

Пермоллой сидел и смотрел куда-то в сторону, потом перевел взгляд на меня. И немного удивился. Наверное, мой взгляд был необычен. Или что-то другое? Какая у него большая правая рука, как он смотрит на меня, какое лицо, какие глаза – он сейчас схватит меня за мошонку и вырвет ее своей большой рукой вместе с мясом и штанами – не разбирая что там.

Что он навис надо мной? И смотрит как на прокаженного. Водит ширинкой перед глазами. Вот бы вырвать ему яйца со всеми потрохами. А вон тому мужику ударить ногой в нос. Что он будет делать? Испугается? Станет отбиваться? Кричать? Станут ему помогать? А мне мешать? Или все так и будут стоять? Как часто били людей. Которые сейчас со мной едут? Обручальное кольцо на пальце. А самому уже за пятьдесят. Как у тебя с женой? мужик? Все еще вставляешь ей? Или уже нет? Говорят. У них с возрастом просыпается. У старушек.

Когда я летом ездил к доктору Марти. То вывел такой закон. У женщины с серебряным лаком на ногтях ног всегда есть обручальное кольцо. Я очень злой. Не очень. Только иногда. Редко. Мне не зачем быть злым. В основном у нас хорошие люди. А в основном не очень.

Человек с бородой, заплетенной в маленькую косичку. Вошел, встал в углу. Держит руки так, будто показывает детский фокус с исчезновением пальца. Что он шепчет? Брахма... брахмачериашеньки? Повторяет беспрерывно. Молится?

Пора выходить – моя станция. Понавскакивали. Ц-ц-ц. Заразился.

– Пока, Пермоллой. Удачно съездить.

– Пока. Спасибо.

Кажется, вчера оставалась жвачка.

Какое странное развлечение – идти вдоль вагона метро, рассматривая лица, и вдруг пугаться какого-нибудь страшного лица. Ты делаешь так?

Куда он пошел? Налево. Сейчас выйду и подожду. Пока скроется за углом. А если я выйду из-за угла и вдруг увижу его? Стоит и разговаривает со знакомым. Случайно встреченным. Я должен сразу что-нибудь сказать. Нет. Лучше ничего не говорить. Как будто иду и иду. По своим делам. А если спросит? То я иду к доктору Марти. За таблетками. Доктор Марти переехал? Нет. Просто у меня устала нога. Затекала. Поэтому нужно идти. Чтобы размять ее. Я иду чтобы размять ногу. Я решил выйти из метро вслед за Чарисом. Чтобы дать движение ногам.

Вот и угол. Никого нет. Никаких знакомых. Его голова на эскалаторе. Скользит вверх.

Буду идти чуть поодаль. Надеюсь он меня не заметит. Распутывает наушники. Сейчас вставит в уши и будет слушать. К человеку в наушниках легко подкрасться.

Он сказал. Что едет на вокзал. Сейчас пройдет через парк и потом сядет на трамвай. До остановки трамвая нам по пути. А потом я пойду дальше. А ты езжай. Встречай своего брата.

Забавно, что вход в парк через огромные толстые черные ворота – словно в тюрьму. Пестрые фигурки людей теряются, размываются в дали, подсвеченной солнцем. Слабое зрение располагает к импрессионизму. А солнышко – лучший враг прыщей. И с тайным восторгом гляжу я в лицо врагу.

Две широкие аллеи идут из одного конца парка в другой и пересекаются в центре – у фонтана с белой статуей ангела. Старая и милая статуя – из гипса, наверное. От нее у меня всегда проходит дрожь по телу – настолько она старая и милая – идеальная для фильма ужасов. Не люблю ходить по этим людным аллеям – не чувствую природы. А вдали, над фонтаном, виден старый элеватор. Удивительная штука – всегда поражала мое детское воображение.

Ain't no way for me to love you

If you won't let me

It ain't no way for me to give you all you need

If you won't let me give all of me

Арета Франклин и Элла Фицджеральд на страже вашего вкуса. Какой большой и хмурый. Даже испугался. Совсем не видел его – откуда ни возьмись – мистер Протеин. Идет навстречу, руки тоже идут – по воздуху. Есть в таких людях что-то от орангутанга. Сейчас разминемся с ним, подойдет сзади и одним движением переломит мне шею, пока я буду слушать Ain't no way. Или какой-нибудь маньяк подкрадется и незаметно ударит ножом под ребро. Я упаду и буду истекать кровью, прямо вот здесь – на клетчатом крокодиле, а в наушниках все так же будет петь Арета. Ain't no way for me to love you. Неплохая смерть.

Классики. Оп-оп-оп.

The buzzard took the monkey for a ride in the air
The monkey thought that everything was on a square

Асфальтовые дорожки. Гуляющие бездельники. Девушка выгуливает новые губы. Деревья просят милостыню. Аллюрные лавочки и перила. Цветная бумага под ногами. Детишки. Давайте из серой бумаги вырежем дубовые листья. А из бордовой кленовые. И разбросаем их повсюду.

А вот идет качок. Он знает про себя. Что он качок. И поэтому так идет. А я знаю про себя. Что у меня в кармане. И поэтому мне все равно. Гладкая пластмассовая рукоять. Лезвие в пластмассовом футляре. Купил в хозяйственной лавочке. Плохо что рукоятка гладкая. Может выскользнуть из руки. Поэтому нужно сжимать крепко. Очень крепко.

Мы с Руби часто гуляем в этом парке. С левой стороны здесь ответвление от главной аллеи – с редкими лавочками – аллея влюбленных. Влюбленные на них в основном двух типов. Удрученные, любящие друг друга любовью утешения и обнимающие друг друга с таким видом, будто только что умер их общий родственник. И экзальтированные – те, которые прыгают и смеются по поводу и без того, производя впечатление несколько бессмысленное. Мы с Руби, пожалуй, соединяем в себе оба этих типа.

А с другой стороны идет живописная аллея – так мы ее называем. Старинные дубы, клены – с огромными кронами. Осенью просто другая планета. Там есть неприметная тропинка – простая, истоптанная, старая, осенью занесенная яркой листвой. Она уходит в глубину насаждений, виляет между кустарником и приводит наконец к одинокой скамейке под скудной сенью орешника. Порой на ней бывают люди – но очень редко. Однажды был даже футляр от фотоаппарата. Но обычно она пуста, эта одинокая скамейка. Мы любим сидеть на ней. Засовывать холодные осенние руки в теплоту карманов. Молчать или говорить о чем-нибудь. Читать одновременно две одинаковые книги. Руби обычно обгоняет меня и мы обсуждаем только до того места, куда добрался я. А иногда читаем разные и делимся впечатлениями, если они есть. Слушаем музыку – кто какую хочет. Сидя на этой скамье, да и вообще – на людях, мы редко касаемся друг друга просто так. В каждом прикосновении – чувство, поэтому мы осторожны. Мы сидим на скамейке отдельно – просто рядом, но ее голова не лежит на моем плече, и я не держу ее за руку. Лишь иногда я касаюсь ее, порой мимолетно – и она отвечает мне. И потом она снова рядом. Просто рядом. Не близко. Это ожидание томительно. Мучительно. Нестерпимо. И когда мы возвращаемся домой, нас уже не остановить.

Если он обойдет фонтан слева. То у меня все получится. Если справа. То у меня все получится с небольшими трудностями. Вот так я гадаю на людях. Или на фонтанах. Я везунчик. А что если написать книгу о везучих утопленниках? Один человек выиграл в лотерею. После того как утонул. У другого сыграла ставка на вторую лошадь в седьмом забеге. Правда в него уже отложили икру. Третий находился в скорой помощи и чудом избежал автомобильной аварии. После того как утонул. Ты такой ангелочек. Пермоллой.

Сейчас опущу руку в воду и с растопыренными пальцами буду быстро вести ею под водой. Кажется будто у тебя в руке женская грудь. А еще можно надуть полиэтиленовый пакет. И тоже будет похоже. Я так думаю. Я никогда не держал в руке женской груди.

Вот бы стать каплей воды и проделать весь путь по какой-нибудь большой реке. От самого истока. А в конце упасть с водопада.

Иногда я хожу в самом сумрачном месте парка и оглядываю упавшие на железный забор деревья. И думаю. При каких обстоятельствах они упали. Были ли жертвы. Было ли очень шумно или все-таки не очень.

Нет ничего хуже, чем гулять по парку и говорить о работе. Сказать двум этим девушкам впереди? Что они ответят? Посмотрят как на дурачка и испугаются. Однажды я попытался познакомиться в парке с девушкой, а она от меня убежала, будто я маньяк, прокаженный и зомби одновременно. А о чем еще говорить? Чтобы действительно о чем-то говорить, нужно разбираться в этом. И по сути единственное, в чем мы более или менее разбираемся – это работа. Во всем остальном мы обыватели. А общение обывателей сводится к трем вещам: пересказам, сравнению интересов и выяснению терминологии.

Толстый мальчик на скрипучем велосипеде. Сын повара? Поваренок. Нарост гриба на этой березе напоминает голову льва. Очень похоже. А в другом месте парка есть дерево, на котором лишайник с южной стороны как зеленый – из сказки – водопад. Слепой – с белой палочкой. На фоне черных ворон. Люблю осенью посмотреть и послушать ворон в парке. В этом чувствуется какая-то жизнь. Движение.

Какой тонкий голосок у правой – как у самой нижней струны. Женские голоса. Я делю их на беспомощные, уверенные, за ними следуют претенциозные, за ними хамские – пожалуй, их можно расположить в порядке возрастания тональности, как ноты. Но есть и особые голоса, размещенные на нотном листе в специальном месте. Сексуальный, вульгарный – легко спутать с хамским. Покорный и рядом с ним смиренный. В чем разница, спросишь ты? Это плохо, что ты спрашиваешь, но раз уж спросила – ладно. Голос смиренный принадлежит людям смиренным, смирившимся, согласным со своей судьбой. Покорный же голос указывает человеку проницательному, что в характере кроме покорности есть еще до времени скрытые – непокорность, несогласие, бунтарство. И не нужно думать, будто все эти слова являются антонимами к слову смиренный. К нему они подходят так же, как елочная гирлянда к фрак. Если ты носишь фрак и елочную гирлянду и шапку с помпоном, то я тебя уважаю и с тобой не спорю. Мне кажется, у тебя покорный голос. Уверенный и покорный. Неплохое сочетание для девушки.

Папа, мама я – велосипедная семья. Мать, отец и дочь отдыхают на скамейке. Велосипеды отдыхают рядом. А на соседней скамейке два старика о чем-то беседуют. С достоинством. Вернее один говорит, а другой слушает. Хорошее умение – слушать с достоинством. Я смотрел на них – они были старше меня, и мне было приятно, что я молод и еще не сделал в жизни тех поворотных ошибок, которые сделали они – и которые делаем мы все, и о которых потом жалеем. Впрочем, может быть, я уже их сделал?

Беременная девушка и ее полноватый парень с одинаковой забавной, немного коровьей походкой. Выгуливают собаку. Радостный золотистый ретривер.

Две девочки звонко перебрасываются большой сосновой шишкой. Лови. Ловлю – теперь ты лови. Одна с кудряшками, другая с косичками.

– Вдохни, какой воздух! – и по-детски восторженно и театрально, обозревая мир рукой: – Это же великолепно!

Футбольные площадки нужно обсаживать высокими деревьями. Чтобы можно было играть в обеденный солнцепек. Иногда такое бывает. Что мяч вылетает за пределы площадки. Тогда будет больше шансов. Что мяч не улетит далеко.

Кажется я пукнул. Совсем неожиданно. И запахло котлетами из столовой. М-м. Запах котлет на свежем и чистом воздухе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.